

С. Ю. Солодовников

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

ЭКОНОМИКА РИСКОВ: ПОПЫТКА КАТЕГОРИАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В статье предложен новый политико-экономический концепт, определяющий современный этап развития общества и экономики, — экономика рисков, которая представляет собой экономику высокотехнических и наукоемких производств, характеризующуюся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. Фактором становления экономики рисков стала усиливающаяся тенденция к возрастанию неопределенностей всех типов — финансовых, технико-технологических, политико-экономических, геоэкономических и т. д. Понимание природы экономики рисков важно для выработки действенных политико-экономических механизмов противостояния этим рискам.

Ключевые слова: экономическая теория, политическая экономия, постиндустриальное общество, риски, экономическая система общества, экономика рисков

S. Solodovnikov

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

RISK ECONOMY: ATTEMPT OF CATEGORIAL DEFINITION

The article proposes a new political and economic concept that characterizes the current stage of development of society and the economy — a risk economy. The risk economy is an economy of high-tech and knowledge-intensive industries, characterized by the highest degree of political, economic, technological, financial and environmental uncertainties and risks. The growing risk economy has become a growing tendency for increasing uncertainty of all types — financial, technical-technological, political-economic, geo-economic etc. Understanding the nature of risk economics is critically important for developing effective political and economic mechanisms to counter these risks.

Keywords: economic theory, political economy, post-industrial society, risks, economic system of society, risk economics

Введение

В современной глобальной экономике в последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к усилению неопределенности: финансовой, технико-технологической, политико-экономической, геоэкономической и т. д. Понять онтологическую природу этих рисков, раскрыть их феноменологическую специфику нельзя без содержательного определения нынешней стадии развития экономической системы общества. Эта статья представляет собой попытку категориально охарактеризовать глобальную экономическую систему, в которой оказалось сегодня человечество — экономику рисков.

Экономика рисков — это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. В отличие от традиционных экономических рисков как возможности потерь хозяйствующими субъектами вследствие рыночной неопределенности или вмешательства государства в экономическую деятельность, являющихся атрибутивными признаками рыночной экономики, в современной экономике риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе непредсказуемы («черные лебеди», «эффект сверхуверенности» и т. д.).

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Согласование структурной политики Беларуси и Армении в контексте модернизации реального сектора экономики», договор с БРФФИ № Г17АРМ-001 от 1 июня 2017 г.

Результаты и их обсуждение

Нами уже неоднократно отмечалось, что «современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века» [1, с. 23]. Происходит радикальное изменение механизмов организации обмена между производителями и потребителями. Рыночный сегмент, длительное время господствующий в экономически развитых странах, становится периферийным. Для современной экономики характерно наличие высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет-технологий и новые пострыночные формы конкурентной борьбы. Собственно говоря, важным отличием рыночной экономики от современной экономики и выступают новые общественно-функциональные технологии, применяемые в конкурентной борьбе. Прежде всего это общественно-функциональные технологии (информационное оружие), направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов и ориентированные на противодействие этому разрушению. Для сборки и разборки социального (квази-социального) субъекта сегодня используется информационное оружие, под которым понимается средство ведения современной нелетальной войны. Оно обеспечивает идентификацию и поражение противника с помощью информационных концентраторов различных конструкций (традиционные СМИ, сетевые гипертекстовые концентраторы и т. п.), позволяет оказать влияние на социальный субъект, что приводит к блокированию его социальных действий (социальной активности), а также эффективно перераспределять (переделить) материальные ресурсы (изменить отношения собственности) без нанесения повреждений самой собственности. В результате чего «современная экономика становится критически зависимой от возможности определенными социально-экономическими субъектами (социальными группами) манипулировать поведением больших масс людей в своих эгоистических (*эгональных* – С. С.) интересах» [2, с. 126].

Если посмотреть на процессы сборки и разборки социального субъекта через призму категории «экономика рисков», то становится очевидным, что в данном случае речь идет не только о нарушении рыночных принципов ценообразования, т. е. о значительном сокращении сферы применения закона спроса и предложения в хозяйственной практике, но и о нарушении законов образования и эволюции социальных классов, когда высшие классы могут навязывать средним и низшим классам свою идеологию, свою мораль, свои интересы. Иначе говоря, «класс в себе» не может стать «классом для себя» (К. Маркс), или в терминологии М. Вебера «класс» не может стать «социальным классом». А это значит, что классовая борьба, а ее никто не отрицал, становится латентной и непредсказуемой [3]. В результате серьезно трансформируются социально-трудовые отношения и механизмы согласования экономических интересов, частично они становятся симулякрами, тем самым повышая непредсказуемость хозяйственной деятельности, порождают серьезные политико-экономические и технологические риски. Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «Традиционно инфляция и безработица составляют переменные, входящие в уравнение роста: на этом уровне кризиса нет – есть лишь неупорядоченные процессы, а сама неупорядоченность является тенью органической целостности. Ныне аномалия приобретает весьма тревожный характер. Она – не явный симптом, а странный знак упадка, нарушения правил какой-то тайной игры или, по меньшей мере, чего-либо, нам неизвестного» [4, с. 50]. Далее он приводит еще один пример: «И безработица тоже изменила смысл. Это уже не стратегия капитала (резервная армия), не критический фактор в игре социальных отношений. Иначе, при том, что напряженность уже превзошла все пределы, безработица привела бы к неслыханным потрясениям» [4, с. 51]. Отсутствие четких правил игры в социально-классовых отношениях, поскольку у подавляющего большинства социально-классовых образований современного общества нет «классового» сознания, привело сегодня к росту популистских партий. Эти пар-

тии ориентируются не на объективные политико-экономические интересы, а на потребностные ожидания, что само по себе усиливает неопределенность и риски в экономической политике.

Значительный вклад в превращение традиционной капиталистической экономики в экономику рисков принадлежит глобальным спекулятивным финансам. То, что в последние двадцать лет существенно повысилась неустойчивость мировой экономики, прежде всего связано с изменением в ней роли и функций финансов, а также усилением глобальной финансовой неустойчивости. Причем в основе последней, как отмечает М. А. Сажина, лежит «изменение природы и роли финансов: из обеспечивающих и обслуживающих экономику они стали доминирующими над экономикой. Более того, работая преимущественно на себя, они действуют глобально. Оторванные от своего материального носителя, глобальные виртуальные финансы постоянно движутся, причем с очень высокой скоростью: за секунду миллиарды долларов, а за день триллионы долларов могут сменить своих собственников. В результате для виртуальных денег характерна постоянная смена субъекта собственности и размытость, диффузия прав собственности. Вследствие этого они потеряли такую характерную черту, как управляемость, выключились из процесса рыночного саморегулирования, усилили риски и придали экономике черты нестабильности» [5, с. 32]. Современные глобальные финансы значительно нарушают действие рыночных законов в планетарном масштабе. Причем это нарушение намного больше, чем то нарушение, которое наблюдалось в период после Второй мировой войны от хозяйственной деятельности всех социалистических стран. Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «есть нечто другое, гораздо более ошеломляющее чем инфляция. Это — оборот денежной массы, охватывающий Землю своей круговой орбитой» [4, с. 50]. Гносеологическое осмысление новой роли финансов во многом затруднено (помимо того, что современные глобальные финансы — это принципиально новое явление в экономической истории) еще и тем, что на региональном и страновом уровне финансы в ряде случаев продолжают выполнять свои традиционные функции.

Результаты деятельности глобальных финансов в условиях отсутствия действенных межстрановых институционально-финансовых фильтров (барьеров), защищающих национальные экономики от спекулятивных атак глобальной финансовой системы, могут очень быстро разрушить национальный промышленный комплекс, сельское хозяйство и в целом сложившийся в данной стране уклад хозяйственной жизни.

Еще одной важной причиной возникновения и сохранения экономики рисков выступает очень высокая неопределенность технико-технологических прогнозов, вследствие которой возникает множество дополнительных рисков на уровне государства и коммерческих организаций, вызванных этой неопределенностью. Во многом в результате идеологического влияния социальной парадигмы постиндустриального общества в экономической науке до настоящего времени отсутствуют четкие фундаментальные теоретические представления о том, что же следует понимать под технологической эволюцией. В российской научной литературе эта гносеологическая проблема описывается так: «Известна идея — представить технологическую эволюцию как смену неких технико-экономических парадигм (К. Перес), в российской более поздней версии — так называемых технологических укладов. Эти вещи ретроспективные, классификационные, это абстрактные схемы, ничего не проясняющие в технологическом развитии, поскольку никто ничего не может сказать о шестом (иногда и о пятом!), не говоря уже о седьмом или восьмом укладе (парадигме). Следовательно, пока точно не установлено, что составляет его основу (уклада), правдоподобно сказать о нем затруднительно, по крайней мере, на коротком отрезке времени. Только обернувшись назад, можно сказать о прошлых этапах, условно подразделяя их на некоторые периоды времени» [6, с. 12–13]. Иначе говоря, достаточно популярная сегодня концепция смены технологических укладов представляет собой ретроспективную концепт-схему.

Однако этой идее придается вес не только как ретроспективной концепции-схеме [6, с. 12–13], а как основе для текущей экономической политики. Так, например, в работе «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике» [7], вышедшей в 2009 г., отмечается, что «всплеск и падение цен на энергоносители, мировой финансовый кризис — вер-

ные признаки завершающей фазы жизненного цикла доминирующего технологического уклада и начало структурной перестройки экономики на основе следующего уклада» [7, с. 17]. Оставляю в стороне вопрос, почему во время множества других мировых экономических кризисов, регулярно повторяющихся во второй половине XX – начале XXI вв. и нередко сопровождаемых всплеском и падением цен на энергоносители (например, мировой кризис 74–75-х гг. XX в.) – это не свидетельствовало о смене доминирующих технологических укладов, отметим только, что социальная парадигма смены технологических укладов категориально не описана. О. А. Намович отмечает по этому поводу: «Однако отсутствие стройных (внутренне непротиворечивых) понятийных рядов негативно сказывается в том плане, что любое, даже самое точное и совершенное определение (если оно не вписано адекватным образом в понятийный ряд, т. е. системе других взаимосвязанных понятий и категорий) не позволяет содержательно решить сложную многоуровневую задачу, не только раскрыть сущность того или иного технологического уклада как социально-экономического феномена, но и как определенной стадии развития человеческого общества, определенного этапа в развитии экономики, определенного этапа в развитии самого общества, жизни людей, политэкономически как феномена, но и одновременно раскрыть те факторы или сущность, почему оно возникло, т. е. его генезис» [8, с. 35]. Сложившаяся в экономической науке постсоветских стран после 1991 г. ситуация, характеризующаяся отказом от теоретико-методологической проработки принципов своих исследований многих ученых-экономистов, работающих в конкретно-экономических направлениях, создала условия для слепого копирования технологической политики западных стран. Например, если западные страны активно развивают наноиндустрию, то и мы будем поступать так же. Ошибочность такого подхода нами была уже описана [9].

При этом в структурном и технологическом планировании «нужно учитывать текущее состояние базовых технологий» [6, с. 13], поскольку в ситуации резкого отставания от сверхиндустриальных стран базисных машиностроительных технологий, инженерной работы и оказания услуг промышленного характера, «никакие рецепты вложений в нанотехнологии не только нельзя назвать обоснованными, но они порождают дополнительные структурные перекосы и не являются отражением той системности действий и развития общих технологий, которые могут потребовать на следующем этапе и нанотехнологий, как неотъемлемого элемента в некотором объеме, который будет задан масштабом и потребностями экономики, ее общей технологичностью» [6, с. 13]. Соглашаясь с этими высказываниями, вместе с тем следует подчеркнуть, что вышеназванные проблемы не могут быть преодолены без теоретического осмысления взаимозависимости экономики рисков и технологической неопределенности.

Важным фактором, обуславливающим возникновение и эволюции экономики рисков, является усиление идеологического фактора при выборе модели хозяйствования. Влияние стало таким сильным, что сегодня при выборе последней приоритетна господствующая идеология. Выбор между *гуманистической идеологией*, в основе которой лежит такой критерий общественного прогресса, как снижение социального каннибализма, и *идеологией рыночного либерализма*, в основе которой – социальный каннибализм, – именно это формирует принципы хозяйственной жизни любого государства. Конечно же, нельзя этот принцип абсолютизировать и доводить до логического абсурда. В любой экономической деятельности всегда сосуществуют две стороны: материально-вещественная и собственно-общественная (социальная). Материально-вещественная сторона представляет собой специализированные средства производства, используя которые человек активно воздействует на природу. Социальная сторона представляет собой персонификацию его материально-вещественной стороны (т. е. социально-субъектное отражение процесса соединения со специализированными средствами производства индивида, обладающего соответствующими способностями и интересами для их производственного потребления). Взаимосвязь и неразрывность этих сторон очевидна, так как хозяйственная деятельность всегда имеет какое-то материально-вещественное выражение и оно, как и любое социальное явление, всегда персонифицировано. Даже на основе идентичной технико-технологической базы производства

возможно существование различных моделей хозяйствования. Таким образом, проявляется относительная самостоятельность организации и управления производством по отношению к его технологической основе, так как последняя определяет механизм хозяйствования опосредованно. Вместе с тем, сегодня идеология рыночного либерализма (протестантского фундаментализма) настолько сильно влияет на глобальную экономику, иногда выступая такой мощной дестабилизирующей политико-экономической силой, что сама по себе порождает небывалые, а порой и не просчитываемые риски. Причины и последствия этого нами уже были подробно описаны, и заинтересованный читатель может ознакомиться с этими работами [3, 10, 11].

Выводы

Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. Эти риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы и их возможные негативные последствия могут привести человечество к глобальной катастрофе. Если нам удастся понять природу экономики рисков, преодолев гносеологический кризис, характеризующий состояния экономической теории в последние десятилетия, то у человечества появится шанс выработать действенные политико-экономические механизмы противостояния этим рискам.

Список использованных источников

1. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск : БНТУ, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34.
2. Солодовникова, Т. В. Ложная аргументация как инструмент экономического дискурса / Т. В. Солодовникова // Экономические исследования и разработки: научно-исследовательский журнал. – Нижний Новгород : НОО «Профессиональная наука». – 2017. – № 2. – С. 125–143.
3. Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе : методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск : БНТУ, 2014. – 378 с.
4. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М. : «Добросвет» : Изд-во «КДУ», 2014. – 260 с.
5. Сажина, М. А. Природа современных финансов / М. А. Сажина // Экономические науки. – 2014. – № 9. – С. 25–33.
6. Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 160 с.
7. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / С. Ю. Глазьев [и др.] ; под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитоновой. – М. : Тривант, 2009. – 304 с.
8. Наумович, О. А. Смена технологических укладов как социально-экономический феномен / О. А. Наумович // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск : БНТУ, 2016. – Вып. 4. – С. 34–38.
9. Солодовников, С. Ю. Современная структурная политика и кризис наноиндустрии // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3 (8). – С. 49–55.
10. Солодовников, С. Ю. Культ карго, или Новый объект экономической науки / С. Ю. Солодовников // Белорус. думка. – 2016. – № 1. – С. 56–62.
11. Солодовников, С. Ю. Код Джон Кейнса или о допустимых интерпретациях экономических текстов / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск : БНТУ, 2017. – Вып. 6. – С. 293–303.

Статья поступила 20.10.2018